

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Заяц	6
Три брата	9
Восьми-несчастный	11
Кучи Кантхегана	19
Художник	21
Пак	24
Добродетельная жена	35
Отгадчик	38
Нен-Мои. <i>Болото фиалок</i>	42
Чапоги	49
Знаем!	53
Два патриота	55
Небесная подруга	59
Благородный муж	63
Охотники на тигров	66

Законные и незаконные дети	69
Еще добродетельная женщина	71
Женское любопытство	75
Наказание	76
Ловкий стрелок	79
Конфуций	84
Династия Ли	87
Вторая легенда о царствующей в Борее династии	90
Легенда о бобре. <i>Происхождение ныне царствующих маньчжурской и корейской династий</i>	95
Ловкий человек	100
Выгодный оборот	102
Желтая собака	105
Тринадцатилетний муж	110
Как появились мыши и с каких пор перестали убивать стариков. <i>Китайская сказка</i>	113
Уан-Чине. <i>Тысяченожка</i>	115
Еще тысяченожка	118
Дядя	121
Нян и Тори-си	126
Кошки	130
Воловий труд	136
Волмай	143

Счастливая могила	151
Тутонтайна. <i>Жабий дом</i>	154
Ни-Муей. <i>Ни о чем не заботящийся</i>	157
Ким	160
Курей	164
Сыновняя любовь	166
Права отца	168
Перевозчик	171
Водка из камня	174
Птичий язык.	176
Недостойный друг	178
Сироты	186
Судья	189
Богатырь	192
Любовь	196
Два камня	199
Сын тысяченожки	201
Сим-Чен	206
Честный человек	214
Ню-сан	218
Родовая месть	220
Похороны	222
С каких пор в Корее появилось тонкое полотно	223
Змеи	225

СДЕРЖАНИЕ

Жена раба	226
С каких пор женщины Кореи стали вести замкнутую жизнь	229
Ко и Кили-си	232
Клятва	239

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1898 году, в сентябре и октябре, я проехал из Владивостока в Порт-Артур — большей частью верхом, частью в лодке: в лодке — по Ялу (Амнока-ган).

Ехал не прямо, а с заездами — то в Корею, то в Маньчжурию.

Во время этого путешествия я собрал прилагаемые сказки.

Двадцать-тридцать корейцев, в своих дамских белых кофточках, в дамских шляпах с широкими полями и высокими узкими тульями, окружали нас, присаживаясь на корточках, и лучший сказочник рассказывал, а остальные курили свои тонкие трубочки и внимательно слушали.

Мой переводчик господин Ким, сам кореец, прекрасно владеющий и корейским и русским языком, учитель по специальности, переводил;

я быстро, фраза за фразой, записывал, стараясь сохранить простоту речи, никогда не прибавляя ничего своего.

За это я ручаюсь и не сомневаюсь, что будущие исследователи подтвердят истину моих слов.

Я слушал эти сказки то вечером, после гостеприимного ужина, то во время отдыха на перевалах, откуда раскрывалась перед нами далекая панорама долин и гор в осеннем нежном, как старые персидские ковры, узоре.

Целые снопы фиолетовых и оранжевых лучей заходящего во всем своем величии желтого солнца заливали эту даль, и она сверкала, вспыхивала в последний раз и уже исчезала, как видение, в просвете быстро наступающих сумерек. И все кругом — и эта даль, и эти люди, и их жизнь — казались тоже сказкой.

Одну тетрадь со сказками я потерял, к сожалению. Теперь, когда я опять еду туда, на далекий Восток, мне, может быть, удастся возместить эту потерю. А может быть, я не найду уж той прежней сказочной Кореи, тех библейских патриархальных фигур: чистых, доверчивых детей; наивных, благородных и в то же время пятитысячелетних старцев, изведавших и познавших и душу человеческую и тщету всего земного, которым ничего, кроме их сказок и гор, не надо.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Юмор, добродушие, всепонимание и всепрощение, поразительное благородство.

Так они живут, так умирают.

Я стою над умирающим корейцем, впервые увидевшим нас, белокожих. В его доме на нас произвели нападение, его смертельно ранила одна из пуль нападавших хунхузов.

Темное, красивое, иконописное лицо; чудные большие глаза; черная борода, напоминающая индуса. Спокойствие, величие простоты...

— Я исполнил только свой долг гостеприимства... Но уходите скорее отсюда... Оставьте нас... Нет, не надо золота, потому что оно привлечет опять злых людей и погубит нас...

Корейцев называют трусами.

За белые костюмы, за робость — русские называют корейцев белыми лебедями.

Да, как лебеди, корейцы не могут драться, проливать человеческую кровь; как лебеди, они могут только петь свои песни и сказки.

Отнять у них все, самую жизнь — так же легко, как у детей, у лебедей: хорошее ружье, верный глаз...

Ах, какие это чудные, не вышедшие еще из своего сказочного периода дети!

Гарин-Михайловский Н. Г.

ЗАЯЦ

Заболел морской царь, и доктор-рыба доложил ему, что только печенка зайца может спасти его от смерти.

Тогда послали кету поймать зайца. Кета поплыла, но у берега попалась на удочку.

Послали сома, но и сом попался.

Тогда послали ужа. Но уж, когда выполз на берег, попал под колеса арбы и был раздавлен.

Тогда послали черепаху.

Черепаха разыскала царя зверей, тигра, и говорит:

— Ты царь, и у нас есть царь. Наш царь умирает, и доктор сказал ему, что если он не съест заячьей печенки, то жить он не будет.

Тигр выслушал и приказал привести к нему зайца.

— Иди, — сказал он, — за этой черепахой: тебя зовет морской царь.

Идет заяц с черепахой и выпытывает, что нужно от него морскому царю.

Рассказала ему черепаха, в чем дело.

— Но если у меня вынут печенку, так ведь я уже жить не буду?

— Этого я не знаю, — сказала черепаха.

— Ну, так вот что, у меня есть один хромой родственник. Он давно жалуется, что ему от хромой ноги жизнь не в жизнь. А царю вашему ведь все равно, чью печенку ни есть — лишь бы только заячья была. Так ты подожди меня, я только вот в этот лес сбегая и живо приведу тебе хромого зайца.

— А мне все равно, — сказала черепаха и выпустила зайца.

Заяц шмыгнул в лес, и только его и видели.

Ждала-ждала черепаха и поползла к своему царю.

Узнал царь, в чем дело, и велел ей опять ползти к царю зверей.

Рассказала черепаха царю зверей, как ушел от нее заяц.

— Ну, иди домой, — сказал ей царь, — от тебя он опять убежит, я пошлю его с более надежным.

Услыхал заяц, что его опять ищут, и говорит:

— Ну, теперь, когда мне все равно умирать, сделаюсь я хунхузом.

И заяц сделался хунхузом.

Раз видит он, ползет по дороге черепаха.

— Ты куда ползешь? — спрашивает ее заяц.

— Да вот к вашему царю сказать, чтобы он больше не беспокоился, так как наш царь уже умер.

Тогда заяц забежал вперед черепахи и, присев перед своим царем на корточки, сказал:

— Слышал я, великий царь, что ты требуешь меня, — вот я.

— А где ты был до сих пор?

— Я бегал на китайскую сторону к брату своему в семнадцатом колене.

— А почему ты ушел тогда от черепахи?

— Я не ушел, а отпросился согласно разрешению выставить за себя хромого. Вот к этому хромому брату я и бегал.

— Ну?

— Да, не пошел, говорит, не хочу еще умирать.

— А не хочет, так иди ты.

В это время приползла черепаха с известием, что их царь уже умер.

— Ну, умер так умер, — сказал тигр и отпустил зайца с наградой.

ТРИ БРАТА

Жили три брата на свете, и захотели они нарыть женьшеня, чтобы стать богатыми. Счастье улыбнулось им, и вырыли они корень ценной в сто тысяч кеш. Тогда два брата сказали: «Убьем нашего третьего брата и возьмем его долю». Так и сделали они. А потом каждый из них, оставшихся в живых, стал думать, как бы ему убить своего другого брата. Вот подошли они к селу. «Пойди, — сказал один брат другому, — купи сули (водки) в селе, а я подожду тебя». А когда брат пошел в село, купил сули и шел с ней к ожидавшему его брату, тот сказал: «Если я теперь убью своего брата, мне останется и вся суля, и весь корень». Он так и сделал: брата застрелил, а сулю выпил. Но суля была отравлена, потому что ею хотел убитый

отравить брата. И все трое они умерли, а дорогой корень женьшень сгнил. С тех пор корейцы не ищут больше ни корня, ни денег, а ищут побольше братьев*.

* Обычай побратимства широко распространен у корейцев и очень чтится. — *Прим. автора.*

ВОСЬМИ-НЕСЧАСТНЫЙ

У человека восемь счастья: счастливая могила предков; хорошая жена; долголетие; много детей; много хлеба; много денег; много братьев; образование. Но есть люди, которые не обладают ни одним из этих счастья, и тогда они называются восьми-несчастливыми — Пхар-кебоги.

Одним из таких и был Ниноран-дуи, которого даже жена бросила.

И все ж таки случилось однажды так, что Ниноран-дуи встретил женщину по имени Дю-си — молодую, красивую, богатую, которая полюбила Ниноран-дуи. И Ниноран-дуи полюбил Дю-си. Но так как несчастья восьми-несчастливых передаются и тем, кто любит их, то и для Дю-си встреча с Ниноран-дуи не прошла даром — ее торговые дела пошли плохо, ее скот падал, поля ее не приносили больше урожая.

Все это кончилось тем, что, когда однажды Дю-си проснулась, она не нашла больше подле себя своего любимого Ниноран-дуи, она нашла только письмо его. Он написал ей, что, несмотря на то, что он любил ее всеми силами своей души, он оставляет ее, так как ничего, кроме несчастья, он не может ей дать.

Дю-си, прочитав письмо, горько заплакала, потому что она любила Ниноран-дуи, а не свои богатства, которые она с этого момента возненавидела; раздав их нищим, она ушла из тех мест, где жила.

Она шла по долине, плакала и думала: «Если бы у меня было столько хлеба, чтобы накормить всех голодных, и столько денег, чтобы дать всем, кто в них нуждается, тогда не было бы больше горя на земле!»

Когда она так думала, она вдруг увидела перед собой едущего на быке красивого сильного человека, увешанного цветами и обвитого колосьями. Он остановил быка и сказал ей:

— Полюби меня, будь моей женой.

— Я люблю уже одного восьми-несчастливого и никого, кроме него, любить не могу. Но если желаешь, будем братом и сестрой, — отвечала Дю-си.

Они побратались по обыкновению их страны: надрезав себе пальцы, кровью написали

свои имена, каждый на поле своей одежды, затем, отрезав написанное, обменялись, и, спрятав это у себя на груди, каждый отправился своей дорогой.

Утомившись от пути, Дю-си вошла отдохнуть в хлев, прилегла там и заснула. Во сне она увидала белого, как серебро, лицом и волосами старика, который сказал ей: «Тот человек, которого ты встретила на быке и с которым побраталась, был я. Я — дух долины. Я знаю твоё желание. Вот тебе мешочек с рисом — одного зерна довольно, чтобы самый большой котел наполнился рисом. И сколько бы ты ни брала из этого мешочка рису, он никогда не истощится!» Сказав это, старик исчез, а Дю-си проснулась. Около нее лежал маленький мешочек с рисом.

Взяв мешочек, она пошла дальше.

Долина кончилась, и Дю-си стала подниматься на перевал высокой горы. Там, на вершине перевала, рос прекрасный густой лес, посредине которого стоял шалаш. Молодой красивый дровосек сидел в шалаше перед огнем очага и кипятил воду в котле.

— Что ты положишь в эту воду? — спросила Дю-си после приветствия, остановившись у входа в шалаш.